

Названия относятся к древним, о чем свидетельствует деривационная структура их корневой морфемы; праформой которой может быть *zylva < *zl'va. Отнесение белорусских названий к праславянскому гидронимическому фонду может быть подтверждено их ареальной характеристикой, так как соответствующие им названия фиксируются и на других славянских территориях; например, укр.река Золва (сейчас Свалявка – по г. Свалява в Закарпатье) – л.п. Латорицы в бас. Тисы на левобережье Дуная [СГУ,488], русская река Зельва – река в системе Вишары на левобережье Камы (система Волги), оз. Zelwa – озеро над Сейнами на Сувалках (система Немана), Zelwa – село над этим же озером (Кондратюк и др.). Польские названия в форме Zelwa О.Фальк, вслед за ним М.Кондратюк, ссылаясь на зафиксированные названия на территории Беларуси и Литвы, отнесли к литовским или ятвяжским названиям, сделав вывод без учета ареала названий в бас. Западной Двины, Прикамья и без интерпретации и попыток этимологизации на славянском материале.

Исследования же ономастики так называемого ятвяжского региона свидетельствуют в пользу тех исследователей, которые относят прусов, голедь и ятвягов к славянским этносам.

Известно, что чаще всего гидронимы мотивированы особенностями самих гидрообъектов или физико-гидрографическими терминами. Названия озер могут быть мотивированы также терминами, связанными с растительным и животным миром. Можно предположить, что и название озера Золва могло быть мотивировано названием сорной травы – *зельва*, *зёлка*, растущей в изобилии по берегам озер. Часто семантика гидронима может быть стерта, что связано с исчезновением из употребления даже в говорах тех апеллятивов и значений, которыми мотивируются гидронимы, а также тем, что с момента формирования гидронимической системы на территории Витебщины во время расселения там славян значительную часть составляли заимствованные субстратные гидронимы.

Таким образом, название озера Золва может быть разным по происхождению, установить это однозначно сегодня не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакітная кніга Беларусі. Водныя аб'екты Беларусі. Энцыклапедыя. – Мінск., 1994. – 415с.
2. Природа Беларуси. Популярная энциклопедия. – Минск, 1989. – 597с.
3. Словник гідронімів України. – Київ., 1970. – 780с.
4. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. – Мінск, 1980-1986.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ АНТРОПОНИМНОЙ ПРАГМАТИКИ

Т.В. Скрёбнева

Витебск, ВГУ

В последние годы активное развитие получило прагматически ориентированное направление антропонимических исследований (работы С.И. Гарагули, С.М. Пак, Е.Ю. Рубцовой, Т.В. Шенкнехт), в рамках которого имя рассматривается как важнейший элемент коммуникации. Избранный способ именования лица может вносить существенный вклад в реализацию интенций участников общения, отражать эмотивное состояние говорящего, его отношение к референту антропонима. По словам Т.В. Шенкнехт, «специфической частью прагматического потен-

циала антропонимов являются эмоциональный и модально-оценочный аспекты» [1, 55], тесно взаимосвязанные, поскольку эмоции базируются на субъективной оценке.

Эмоции составляют мотивационную основу любой деятельности человека, в том числе коммуникативной. В психологической литературе описано большое число признаков и характеристик эмоций (исследования В.К. Вилюнаса, Е.П. Ильина, А.Н. Леонтьева, П.В. Симонова и др.), среди них – знак (тон) эмоции, положительный либо отрицательный. В эмоциональном аспекте форма имени может характеризоваться как ласкательная, фамильярная, пренебрежительная, презрительная и т.д. (данный подход наиболее характерен для ономастических исследований 70-80-х гг. XX в.). Другой подход, основанный на детальном семантическом анализе экспрессивных форм имен, предложен А. Вежбицкой. Сформулированные ею семантические инварианты для разных типов личных именованных включают либо не включают эмотивный компонент (отсылку к хорошим чувствам). Например, инвариант имен на *-очка* (*Лидочка, Любочка, Левочка*) формулируется следующим образом: 'я испытываю по отношению к тебе какие-то хорошие чувства вроде тех, которые испытывают, говоря с маленькими детьми' [2, 119]. Семантическая формула, приписанная гипокористикам на *-ша* (*Саша, Маша, Наташа*), наоборот, отсылки к хорошим чувствам не содержит: 'я хочу говорить с тобой так, как говорят с людьми, которых знают хорошо, и с детьми' [2, 117].

Очевидно, что эмоциональность в языке – явление трудно объяснимое. Русский язык отличается богатством экспрессивных словообразовательных средств, некоторые из них допускают различные интерпретации (так, формы с пейоративными суффиксами типа *Катька, Катюха* могут выражать грубоватую нежность, употребляться шутливо). Выбор наиболее подходящей формы имени из достаточно большого числа производных во многом ситуативен, зависит от эмоционального состояния говорящего в конкретный момент.

С целью изучения особенностей функционирования личных имен нами был проведен анкетный опрос, охвативший **200** респондентов разного возраста и социального статуса. Ряд вопросов был направлен на выявление отношения респондентов к системе форм собственных имен. В результате обработки полученных результатов мы установили, что только **3,5%** опрошенных (**7** человек) абсолютно не удовлетворены своими именами, негативное отношение к которым обуславливается семантическим (отапеллятивная этимология, отсутствие имени в православном церковном календаре), фреквентативным (повышенная употребительность) и фоносимволическим факторами, а также собственными эстетическими воззрениями индивидов. Так, личное имя *Надежда* воспринимается референтом (студентка ВГУ, 1989 г.р.) как «слишком громкое и официальное», а *Анжела* – «резко звучит» (учащаяся колледжа, 1972 г.р.).

Залогом положительных эмоций по отношению к собственному имени являются возможность образования субъективно-оценочных и гипокористических производных, привычка к имени, невысокая степень его распространенности, прецедентность, «понятность» семантики и расположенность к ней респондента, эвфония имени, гармоничная сочетаемость с отчеством и фамилией. **5%** анкетированных импонирует то, что имя соответствует их характеру.

По свидетельству **36%** респондентов, потенциальные формы, производные от личных именованных, не оскорбляют их чувств и не вызывают каких-либо отрицательных эмоций. Один респондент считает неприемлемой для себя любую модификацию официального именованного (*Евгений*, 1989 г.р., студент). Наиболее частый вариант обращения, вызывающий негативную эмоциональную реакцию со

стороны участников коммуникации, – это так называемые фамильярные формы имен с суффиксом *-к-* (на них сослались **38%** опрошиваемых). Система антропонимных форм с суффиксом *-к-* не вполне симметрична, что подробно описано А. Вежбицкой [2, 139–149]. К примеру, мягкие формы на *-ка* (*Танька, Галька*) скорее могут быть интерпретированы как отрицательные по сравнению с твердыми формами (*Нинка, Яшка*), однако и те, и другие равно упоминаются участниками анкетирования. Абсолютно не употребляются как пейоративные трехсложные формы, образованные от твердой основы трехсложных полных женских имен (типа *Маринка, Светланка*), обладающие изначально положительным инвариантом значения.

В качестве первостепенного средства, способствующего усилению эмотивного и экспрессивного содержания антропонимной единицы, респонденты справедливо называют интонацию. Типичны следующие высказывания: «Всё зависит от интонации, так как даже *Екатерина* может прозвучать грубо» (*Екатерина*, 1989 г.р., студентка); «обидно обращение *Катенька* с ехидным акцентом» (*Екатерина*, 1991 г.р., учащаяся колледжа).

Неблагоприятные в восприятии адресата сообщения коммуникативные интенции могут выражаться посредством так называемых качественных мелиоративных личных имен (*Лёлик* – вероятно, под влиянием закрепившегося в культурном сознании образа одноименного персонажа кинофильма А. Гайдая «Брильянтовая рука»), сокращенных (*Нюра, Лена*), усеченных (*Люд*), сниженно-фамильярных (*Танюха, Ленуха*) и окказиональных (*Снежище, Снежумба* ← *Снежана*) антропонимных форм. 2 девушки по имени *Валерия* считают грубым обращение при помощи гипокористики *Валера*, закрепившейся за парным мужским именем. Некоторые участники анкетирования не приемлют употребления по отношению к ним другого русского либо иностранного имени, созвучного их собственному (*Ирэн* вместо *Ирина, Марина* вместо *Мария*). Среди пейоративных вариантов обращений-антропонимов отмечены также номинативные формы *Маруся, Марфа, Дунька* (так называют *Дарью*), что, вероятнее всего, вызвано наличием у них коннотативных значений (коннотации выделены респондентами: *Маруся* – ‘недалекая женщина’, ‘наивная’, ‘из деревни’; *Марфа* – ‘дурнушка’, ‘в платке’; *Дунька* – ‘глупая’).

Таким образом, употребление определенных антропонимных форм может стать катализатором позитивных или негативных субъектно-оценочных отношений. Именные формы способны передавать важные характеристики контекста общения, обладают воздействующей силой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шенкнехт, Т.В. Прагматический потенциал антропонимических номинаций: монография / Т.В. Шенкнехт; Федер. агенство по образованию, АНО ВПО «Алтайск. академия экономики и права». – Барнаул: Азбука, 2007. – 114 с.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: сб. ст. / А. Вежбицкая; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. – М.: Рус. слов., 1997. – 411 с.